

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

13

В ТЯЖЕЛЕЙШЕМ для нас 1942 году, когда немецко-фашистские войска дошли до берегов Волги, в журнале «Звезда» был напечатан рассказ Н.С. Лескова «Железная воля». В нем, на примере «волевого» и «целеустремленного» немца Пекторалиса, приехавшего в Россию, чтобы когда-нибудь стать «господином для других», показывается, что немцам не удастся «произвести в России большие захваты» даже благодаря своей «железной воле», что русская воля в конце концов превзойдет иностранную. В следующем, 1943 году был опубликован целый сборник повестей и рассказов Лескова, включавший, кроме «Железной воли», такие изумительные произведения, как «Очарованный странник» и «Левша». Весь этот сборник дышал чувством патриотизма.

Слово Лескова завораживало читателей военного времени, заставляло распрямить плечи, пробуждало веру в благополучный исход войны. Это было особенно важно, когда обнаружилась несостоятельность интернациональной пропаганды: напомним, что в первые недели войны на пути фашистских войск вешивались и расклеивались лозунги и призывы к «немецким трудящимся» в гитлеровской униформе переходить на сторону первого в мире рабочего государства. Однако вопреки хваленной пролетарской солидарности немецкие рабочие, одетые в форму вермахта, не стали брататься и соединяться с советскими «товарищами», а, напротив, старались как можно больше их уничтожить. Но вскоре наступил конец таким интернационалистским играм, и главной духовной и моральной силой сражающейся России стал патриотизм.

Отступившись во многом от прежней погромной антирелигиозной практики, правительство вынуждено было признать высокую патристическую миссию Русской Православной Церкви. Тогда же было востребовано для борьбы с врагом и патристическое наследие русской классики.

Тяга читателей к произведениям Н.С. Лескова, насквозь проникнутым любовью к своей родине, «мягкосердечной Руси», постоянно росла. И вот в завершающий период войны, несмотря на нехватку бумаги, кадров наборщиков и печатников, было подготовлено и издано новое собрание избранных сочинений Н.С. Лескова. Оно вышло в свет в 1945 году, еще до полного окончания второй мировой войны, гигантским для того времени тиражом — 100 тысяч экземпляров.

В одной из детских библиотек в центре Москвы я нашла это уникальное издание с портретом Лескова, с иллюстрациями художников Б. Кустодиева и М. Добужинского. Часто книгу берет на свои уроки внеклассного чтения заведующая читальным залом Надежда Федоровна Мартыненко. Рассказывая ребятам о Великой Отечественной войне и непобедимом духе русского народа, она обращает внимание на предисловие к сборнику исследователя лесковского творчества Б. Другова. «Есть поистине нечто богатырское в писательском труде Лескова», — писал он, в первую очередь отмечая у художника «устремленность к героическому», к «образам нравственной стойкости и даровитости» русского народа.

Любя свой народ, Лесков не идеализировал его, не ставил «на ходули», трезво смотрел на его недостатки, нередко подтрунивая над ними. «Наш крестьянин так «сер и потен», что сносить его недостатки и за ними уметь увидеть его несомненные достоинства в чужих краях не научишься. Чтобы понимать русского простолюдина, надо с ним близко сжиться», — подчеркивал писатель.

Верно замечено: поистине необыкновенное было у Лескова умение находить яркую колоритность в среде самых серых, на первый взгляд, слоев русского быта. Трогательно-скромный русский пейзаж (с родительским домом на берегу невеликого Орлика) всегда жил в сердце писателя, куда бы ни заводила его судьба, — будь то Париж, Петербург или Меррекуль на балтийских водах. Как живой встает он со страниц его книг, пробуждая в людях, особенно в дни испытаний, самые нежные воспоминания об их собственном родном уголке России.

В былые времена на Руси «язык» был синонимом «народа» (язык — народ). И, может быть, ни у кого из русских классиков народность не выражается с такой глубиной, как у Лескова. Писателя восхищало, как образно и метко говорят крестьяне, он видел в их речи «оригинальность, пронизательность народного ума и сердца» и стремился говорить именно народным, разговорным языком, противопоставляя его псевдолитературному и выспреннему. «Усвоить литератору живую речь», — отмечал Лесков, — труднее, чем книжный язык. Вот почему у нас так мало художников слова, то есть владеющих живою, а не литературною речью».

Только что мне довелось прочитать записки одной сестры милосердия вре-

мен первой мировой войны. (Тогда, кстати говоря, произведения Лескова тоже издавали большими тиражами). Эта женщина провела в окопах несколько месяцев и слышала много солдатских исповедей, от которых «земля соединялась с небом в сердце человека». Ее поразило, какими «красивыми русскими певучими словами», которые сохранились еще по деревням и были подсказаны природой, жизнью среди животных и птиц, говорили эти люди, совершившие подвиг братской христианской любви, долга солдатского. Поразительно, что воины, на которых она одевала белую рубаху, перед смертью говорили с ясной улыбкой почти те же слова, что и столь любимый в народе лесковский «очарованный странник». Вот лишь одно из тех простодушных признаний — совсем молодого солдата: «Ах, как хорошо за Родину помираться».

Лесков видел свою заслугу в показе «положительных типов» (героев), которые могли бы служить «маяками» для духовного совершенствования русского общества. Это были милые его сердцу «подвижники» и «праведники», озаренные верой в божественное провидение.

обратил свое провидческое око Лесков. Еще при зарождении нигилистического движения в России у него возникли опасения, что оно принесет стране великие беды. Поэтому Лесков в сущности первым выступил против нигилизма, выпустив свой роман «Некуда» в 1864 году (за 9 лет до «Бесов» Достоевского). Нигилисты намеревались как можно скорее осуществить «прорыв» в «светлое будущее» и тем самым «осчастливить» народ. Всех не согласных с этими утопическими планами ожидала печальная участь. Бесноватый герой романа «Некуда» Бычков по этому поводу разглагольствует так: «Залить кровью Россию, перерезать все, что к штанам карман пришло. Ну, пятьсот тысяч, ну, миллион, ну, пять миллионов... Ну что же такое? Пятьдесят пять миллионов останутся и будут счастливы».

Предсказания Лескова, а вслед за ним и Достоевского на удивление быстро стали оправдываться. После провала «хождения в народ» народолюбцы как самая крупная и радикальная часть нигилистов организовали убийство Александра II, отменившего крепостное право, открывшего путь к бурному эко-

предрекал приход «других, сильнейших и грозных новаторов, которые, воспитываясь на ножах, скоро придут с ножами водворять свою новую вселенскую правду». Писатель был убежден, что «надо испытать все мирные средства, а не подводить народ под страдания», развязывая кровавую революцию.

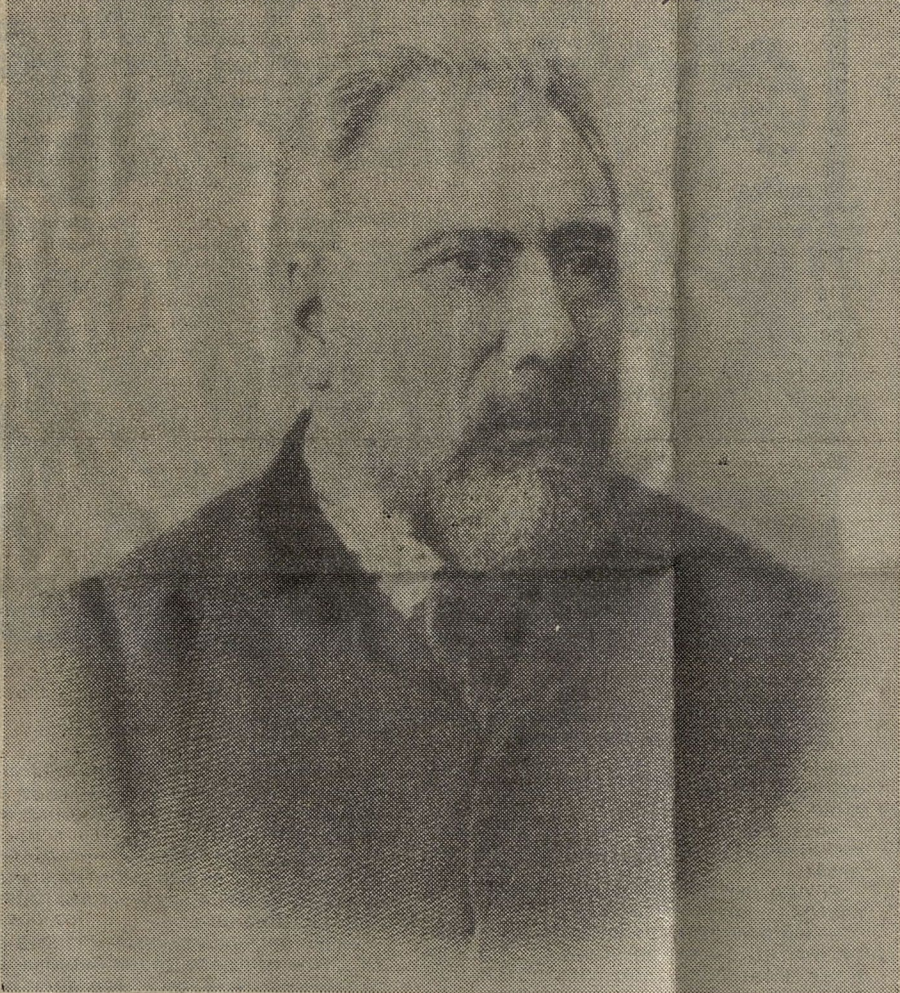
Пророчества Лескова насчет нигилистов начали сбываться еще при его жизни, но более всего — после смерти. Факты — от революции до наших дней — общеизвестны, не будем их повторять.

Характерно, что наследники гонителей Лескова (Д. Писарева, В. Зайцева) сегодня пытаются вновь обогатить писателя, приписывая ему чуть ли не отсутствие национального лица. Например, по мнению критика Л. Аннинского, в романах Лескова «нет ощущения... «русскости». «Иностранности» много... Во всем этом нет ни русской окраски, ни русской проблематики. Она названа, она иной раз даже очерчена, но ее нет в ткани, в дыхании текста... Это ощущение в романах Лескова как круг с пустотой внутри, как зияющее отсутствие того, чего уже ждешь». Это ли не карикатура на великого русского писателя?

ПРОВИДЧЕСКОЕ ОКО

К 100-летию со дня смерти Н.С. Лескова

Лит. Россия. 1995. — 3 марта. — С. 13

Лесков утверждал, что «не переводились, да и не переведутся у нас» «прямые и надежные люди», которые «сильнее других делают историю», «благородные, горячие к добру и разумеющие дух своего народа».

Писатель верил, что общество само постепенно преобразуется под воздействием религиозных и нравственных идей. Он надеялся, что вслед за «подвижниками» и «праведниками» пойдут и многие другие по пути любви и доброты.

Просветитель-конституционалист, Лесков считал главным методом переустройства российского общества реформистскую деятельность Александра II и его сподвижников. Недаром он всегда носил кольцо с александритом — камнем, названным в честь Царя-Освободителя. Писатель мечтал о расцвете русской культуры и науки, о подъеме промышленности, восхищаясь не только народными умельцами-самородками с их «мелкоскопическими» изобретениями («Левша»), но и выдающимися открытиями русских ученых-естествоиспытателей. Приветствовал он и «хождение в науку» наших соотечественников (которые считались тогда самыми образованными в Европе благодаря своей первопродической деятельности — особенно в медицине и педагогике).

Лесков был «постепеновцем» — реформатором в противоположность историческим «нетерпеливцам»-радикалам, с легкой руки Тургенева названным нигилистами. На этих-то нигилистов и

номическому развитию России, собиравшегося ввести в стране начала конституционности. Но народ не поддержал убийц царя, не стал по их указке свергать существующий строй и внедрять новые порядки. Трудно представить тот колоссальный вред, который принесла русскому народу эта кровавая авантюра, «чертова круговерть», по-лесковски говоря. Именно она повлекла за собой наступление политической реакции, застопорила постепенное реформирование экономики, способствовала усилению бюрократизма, коррупции и прочих негативных явлений в государственной и общественной жизни России.

«Кто до сих пор понял весь вред нигилизма, игравшего в руку злодеям, имевшим подлые расчеты пугать царя Александра II — мешать добрым и умным людям его времени?» — задавал горький вопрос на закате жизни Лесков. С полным моральным правом писатель примерно тридцать лет спустя после публикации «Некуда» говорил: «Один я тянул против того, что было мерзко в нигилизме... «Некуда» как раз своевременно появилось, когда нужно было ему появиться... Я писал, что нигилисты будут и шпионами и ренегатами... Что же, разве это не оправдалось?»

Предвидел он и «свободу голодного рабства» (говоря словами его героя, радикала Райнера из «Некуда») — «номинальную свободу протестовать против голода и умирать без хлеба». В следующем своем антинигилистическом романе «На ножах» (1870 — 1871) Лесков

Есть и иного рода фальсификация: во многих литературных героях Лескова, включая «подвижников» и «праведников» (а вместе с ними и в русских людях, которые служат их прообразами) Аннинский склонен видеть первобытную русскую «дурь», варварство и никчемность.

Что ж, обратимся к Лескову: «Время гнусное, но тем теснее надо добрым людям стоять друг возле друга и поддерживать друг в друге веру в человека», — говорил писатель, в числе немногих увидевший растущую силу нигилистического зла, ставший прорицателем «всеобщего зла», того поистине духовного моря, который стал расползаться впоследствии по русской земле. И видел он выход из этой «некудовщины» (вместе с другим великим борцом против нигилизма Достоевским) — в духовном подвижничестве. Этим животворным духом не раз спасалась Россия, поднимаясь с колен. Да, «в обществе пали идеалы, и оно все более и более погружается в меркантилизм и становится глухо и немо ко всяким высшим вопросам», — говорил, словно предчувствуя сегодняшний день, Лесков. Но все равно «еще не все пропало» и «кое-где по местам светлеют дивные своей высотой и величием характеры и яркие признаки неодолимой веры народа в свою способность совершать свое великое историческое призвание. Добрая сила на семена у нас еще хватит, а малая горсть дрожжей большую опару поднимает».

Главные герои Лескова — подвижники. И подвижником был он сам, о чем свидетельствует весь его жизненный путь. Он всегда оставался верен себе, начиная с молодости, когда за роман «Некуда» был приговорен революционно-демократической печатью к «позорному столбу», но перенес, как писал его биограф, «это огненное крещение», не сделав своим противникам ни малейшей уступки, и вышел из него «рыцарем духа», человеком, готовым на все, чтобы отстоять свою святыню: свободу высказаться так, как велит ему совесть и гражданский долг».

Лесков отказывался лобызать кнут, которым стегали крепостных, а в пореформенное время не щадил ретроградов, тащивших страну вспять, ненавидел бюрократизм, чиновничье взяточничество и воровство, лихоимство промышленно-торговых кругов. Он не прощал бездельности интеллигенции, пораженной маниловщиной, «фигляров, которые пред публикой наизнанку вывертываются за гривенники и двугривенные», «рыночников и безыдейников». Он бичевал пьянство и другие язвы народной жизни, видел и молчаливую покорность народа, историческое зло которой Россия испытала не раз. Лесков никогда не был «фаворитным писателем», придворным льстецом, «перевертнем» и принес не одну жертву, обрекая себя даже на нищету, — но писал лишь то, что считал «истиной и благом».

Вспомним же еще раз слова русского провидца: «Я отдал литературе всю жизнь... а потому я не в силах трактовать о ней с точки зрения поставщикчей. По мне пусть наши журналы хоть вовсе не выходят, но пусть не печатают того, что портит ясность понятий... Для меня всего дороже: я не должен «соблазнить» ни одного из меньших меня и должен не прятать под стол, а нести на виду до могилы тот светоч разума, который дан мне Тем, перед очами Которого я себя чувствую и непреложно верю, что я от Него пришел и к Нему опять иду. Не дивитесь этому, что я так говорю, и не смейтесь: я верую так, как говорю, и этой верою жив и крепко во всех своих утешениях. Из этого я не уступлю никому и ничего, — и лгать не стану и дурное назову дурным кому угодно».

Татьяна ОКУЛОВА-МИКЕШИНА